ШЕСТИНЕДѢЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНiЕ.

Нынѣшнюю зиму корь сильно перебираетъ дѣтей, болѣзнь неопасная сама по себѣ, но иногда тяжелая по послѣдствiямъ; оттого–то доктора, боясь простуды послѣ кори, держатъ дѣтей въ положеномъ шестинедѣльномъ заключенiи; многiя дѣти оправляются въ три–четыре недѣли и бываютъ здоровы на видъ, но имъ еще не позволяютъ гулять и даже не выпускаютъ ихъ изъ внутреннихъ комнатъ; дѣти скучаютъ своимъ заключенiемъ и не знаютъ какъ дождаться конца срока. Такъ скучаютъ изо дня въ день внучатныя сестрицы Саши съ Мишей; ихъ не пускаютъ съ верху; тамъ, въ низенькихъ дѣтскихъ, сидятъ Лиза съ Зиной и не знаютъ, какъ и чѣмъ укоротить срокъ; мать ихъ приходитъ къ нимъ раза два въ день съ работой, или читаетъ имъ что нибудь; навѣщаетъ ихъ также дядя ихъ Алексей Романовичъ, который не боится кори, потому что у

дочери его Али уже была корь. Какъ ждутъ дѣвочки прихода матери или дяди!

На верху живутъ онѣ не однѣ съ няней да меньшими сестрицами, съ ними помѣщается ихъ гувернантка, но отъ этой имъ мало пользы. Во время болѣзни она не считаетъ своимъ дѣломъ ухаживать за больными, а еще менѣе забавлять и занимать выздоравливающихъ — она не знаетъ, куда ей самой дѣваться со своею скукой. Эта бѣдная труженица не изъ тѣхъ, что съ любовью, или хотя бы только съ покорностью, обреклись на великій подвигъ воспитанія; Ѳедосья Ивановна проводитъ большую часть дня въ спаньѣ или въ чтеніи романовъ, она и теперь лежитъ на кушеткѣ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Подросточекъ Зина сидитъ ни на что не глядя, ничего не думая, сидитъ, опершись бородою на руки; десятилѣтняя Лиза ходитъ, слоняясь изъ угла въ уголъ, изъ одной дѣтской въ другую; посмотрѣла она на няню, которая, сидя у качалки, штопала маленькій чулочекъ, надѣвъ его на деревянную ложку; взглянула на

маленькую Софочку, которая почти съ головой ушла въ лоскутный ящикъ, гдѣ она рылась. Скучно, подумала Лиза — и повернула въ свою дѣтскую; тамъ все по-старому: тѣ же орѣховыя кроватки съ чистымъ бѣльемъ и съ шерстяными одѣяльцами, но онѣ уже такъ надоѣли дѣтямъ! тѣ же полочки съ игрушками, но и на нихъ не хочется смотрѣть. Лиза вошла въ комнату гувернантки: та лежала молча, — быть можетъ спала; поодаль отъ нея сидѣла Зина и стригла бумагу, и ножницы ходили у нея вкось и вкривь, зря. Скучно! прошептала Лиза, и прошла тихонько къ окну; въ большомъ запыленомъ зеркалѣ промелькнула ея худенькая фигурка; дѣвочка подошла къ окну, на немъ въ углу примерзла куча папиросныхъ окурковъ, шелухи и оческовъ волосъ; Лиза потянула оттуда высунувшуюся шпильку, но шпилька крѣпко примерзла.

— Барышня, Лизавета Петровна! отойди, сударыня, отъ окна, простудишься,

проговорила досужая няня, заглядывая въ дверь.

Лиза повернулась и побрела къ орѣховымъ ширмамъ, приподняла оборванную тафту и заглянула за нихъ; тамъ все было въ обычномъ порядкѣ: одна туфля лежала подъ кроватью, другая валялась среди пола, умывальный столикъ былъ залитъ водой, угольный порошокъ разсыпанъ, полотенце брошено на полъ — однимъ словомъ, и здѣсь все было по старому.

— Ахъ, какъ скучно! душечка Фанни Ивановна, что бы мнѣ подѣлать? спросила она свою гувернантку.

Но Ѳедосья Ивановна не откликалась.

Постоявъ немного надъ кушеткой, дѣвочка заговорила громче прежняго: Что бы мнѣ подѣлать? Фанни Ивановна!.... А Фанни Ивановна! что бы мнѣ подѣлать?

Гувернантка молчала. Лизино причитаніе становилось все болѣе и болѣе настойчивымъ.

— Ахъ, да отстань! гнѣвно закричала Ѳедосья Ивановна, — ну займись чѣмъ нибудь, прибавила она нѣсколько тише.

— Да чѣмъ же мнѣ заняться? чуть не плача проговорила Лиза.

— Займись тѣмъ же, чѣмъ Зина.

— Да Зина ничѣмъ не занимается, сказала дѣвочка, и побрела во вторую дѣтскую, откуда слышалось веселое щебетаніе Софочки. Ужь хоть бы Лиля проснулась, думала Лиза, я бы покачалась съ нею на креслицѣ! «Лизя, Лизя, сядь, я тебя налязю,» картавила Софочка, прыгая передъ сестрой съ лоскуткомъ въ рукахъ: няня ея уже сидѣла наряженная, то есть вся обвѣшенная лоскутьями и вырѣзками. Недовольная и кислая Лиза отмахнулась отъ сестры.

— Няня, скучно тебѣ? спросила она.

Няня выглянула изъ–подъ своего наряда, изъ–подъ вырѣзокъ и лоскутьевъ на дѣвочку, посмотрѣла на дверь, и сердито сказала: Нешто я мамзель, чтобы мнѣ скучать? помайся–ка денно и ночно съ больной, да поштопай–ка съ мое, да

пригляди за горничной, чтобы порядокъ былъ въ комнатѣ, такъ небось скуку забудешь!

Слова эти Лиза приняла на свой счетъ и поспѣшила отвѣтить, что не умѣетъ штопать.

— И поучиться бы не грѣхъ, вѣдь вамъ, Лизавета Петровна, одиннадцатый годокъ пошелъ!

Сказавъ это, няня порылась въ какомъ-то узелкѣ, достала маленькій чулочекъ и дала его вязать Лизѣ, говоря: «Вяжи, Лизанька, нужды нѣтъ что пятка». Дѣти обыкновенно не любятъ биться надъ пяткой чулка, но Лизѣ такъ было скучно, что она даже и этому дѣлу обрадовалась. Вотъ и принялись няня съ барышней взапуски работать, а Софочка бѣгаетъ, роется въ лоскутьяхъ, выбираетъ самые лучшіе и наряжаетъ ими сестрицу, которая теперь уже не сердится и не отгоняетъ малютку, потому что сама занята и довольна; большая часть дѣтскихъ шалостей и капризовъ бываютъ отъ праздности. Въ комнатѣ же Ѳедосьи Ивановны все еще

раздается мѣрное звяканье ножницами: этой забавой Зина коротаетъ свой скучный шестинедѣльный срокъ.

Зиночка была очень запущена, какъ въ нравственномъ, такъ и умственномъ развитіи; все, что ни дѣлала она, все было ради похвалы и напоказъ; услуживала ли она старшимъ, уступала ли что меньшимъ — все это дѣлала она, чтобы сказали ей: «Ахъ, какая милая дѣвочка, какое у нея рѣдкое сердце!» Потѣшить ребенка для его радости или помочь кому изъ одного только желанія услужить, — этого бѣдная дѣвочка не понимала. Всѣ помыслы ея сосредоточивались на ней самой: Это я себѣ выпрошу, а это отдамъ, за это меня навѣрно похвалятъ, думала она про себя. Училась Зина также изъ–за похвалы; память у нея была отличная, затверживала она уроки скоро и легко, но понять, сообразить и вывести заключеніе — на это у нея не доставало умѣнія. Всѣ знакомые дивились успѣхамъ ея въ языкахъ и звали Зину умницей; отъ этого дѣтское себялюбіе

росло, а истинно умственное и нравственное развитіе глохло.

Около часу сидитъ Лиза подлѣ няни и вяжетъ чулочекъ; гладкіе ряды скоро провязываются, но изнанка плохо дается: петельки упрямятся, ихъ трудно вывертывать, иглы скрыпятъ и ниточка отволгла, даже потъ выступилъ на лбу у дѣвочки. Няня заглядываетъ въ чулокъ: «Эхъ, Лизанька, что грязи–то ты мнѣ навязала!» думаетъ она, но не говоритъ, потому что ей жаль прилежную дѣвочку. «Ну вотъ, умница,» говоритъ няня вслухъ, «смотри сколько навязала!» Лиза весело усмѣхнулась и подернула вязаніе на спицахъ; вдругъ чулокъ полетѣлъ на полъ, а сама вязея пустилась бѣгомъ на встрѣчу дядѣ — она еще внизу, въ коридорѣ, заслышала его мѣрную, ровную походку!

— Здравствуйте, дѣтки, что подѣлываете? весело спросилъ Алексѣй Романовичъ, здороваясь съ дѣтьми.

— Ничего! ничего не дѣлаемъ! такъ скучно, такъ скучно, что просто ужасъ! закричали дѣти, перебивая другъ друга, — и

елки–то у насъ не было! и Сашу какъ давно не видали, и Алю тоже!

— Что дѣлать, надо было выдержать срокъ! зато какъ вамъ теперь будетъ весело! Мери, Сережа и Алеша уже гуляютъ, у нихъ оказалась не корь, а другая какая–то пустая сыпь. Моя Аля вчера выкупалась, и завтра собирается къ Сашѣ съ Мишей…

— А мы то! со слезами закричали дѣвочки, мы то! Насъ ужь не выпустятъ!

— Будто! сказалъ дядя, посмѣиваясь надъ вспылившими племянницами; — что же это я слышалъ, будто столовую велѣно потеплѣе протопить, да накрыть три лишнихъ прибора? Дѣти, покраснѣвъ отъ радости и переглянувшись другъ съ другомъ, робко спросили: Дядя, это можетъ быть для гостей?

— Не знаю, друзья, для какихъ именно гостей, но слышалъ я, что велѣно поставить дѣтскіе приборы, да еще слышалъ, что дворникъ таскаетъ и грѣетъ воду къ вечеру, видно кого–то сбираются купать.

— Дядичка, душечка! это мы, это навѣрно насъ хотятъ купать! закричали дѣти, прыгая и мечась въ необузданной радости своей. Смѣхъ, прыганіе, топотъ, поцѣлуи раздавались даже въ сосѣднихъ комнатахъ; няня, оберегая сонъ малютки Лили, притворила тихоничко дверь. Гувернантка охотно бы сдѣлала тоже самое, но не рѣшилась; она очень не жаловала старшаго брата своей хозяйки, за его странный для нея обычай, никогда не восхищаться дѣтскими успѣхами, не хвалить при томъ и наставницы; ей надоѣдалъ также его пытливый, долгій взглядъ, его пустая бесѣда съ дѣтьми, объ ихъ играхъ и работахъ. Но всего непріятнѣе сдѣлался ей Алексѣй Романовичъ съ тѣхъ поръ, какъ услыхала она тайный, задушевный и настойчивый разговоръ старшаго брата съ сестрою; съ тѣхъ поръ Ѳедосья Ивановна стала безпокойно оглядываться кругомъ, нѣтъ–ли гдѣ незанятаго мѣста воспитательницы, чувствуя, что здѣсь ей не сдобровать.

— А, а, насля дологу! закричала Софочка, возившаяся около кармановъ дяди; — насля! кричала она, вытаскивая оттуда прекрасный апельсинъ.

— Ну, молодецъ, Софа, что догадалась, а я чуть было не забылъ про нихъ, что же ты теперь станешь дѣлать со своей находкой?

— Скусаю.

— Одна? спросилъ дядя.

Софочка прижала апельсинъ къ горлышку, пригнулась къ нему щекой, подумала съ минутку и весело запрыгавъ сказала: Всѣмъ дамъ, всѣмъ, и тебѣ, и Зинѣ и нянѣ!

— Ну, Лиза, поищи, не найдешь–ли ты чего и на свою долю, сказалъ Алексѣй Романовичъ.

Заслыша дядино предложенiе, Лиза пустилась на поиски и вытащила два апельсина, одинъ за другимъ; дѣвочки весело поблагодарили дядю и раздѣлили ихъ между собой.

— Я свой отнесу мамѣ, сказала Зина.

— И я тоже, но я немножечко возьму себѣ и Лиличкѣ, сказала Лиза. — Дядя, спросила она, вѣдь Лили можно кушать апельсинъ?

— Не знаю, дружокъ, объ Лили спрашивай доктора, она бѣдняжка что–то плохо поправляется, сказалъ вздохнувъ Алексѣй Романовичъ: и, распростясь съ дѣтьми, пошелъ внизъ, а оттуда отправился домой, гдѣ ждала его Аля, единственное дорогое дитя его.

Въ первый разъ пріѣхалъ Алексѣй Романовичъ въ Москву на всю зиму; доселѣ онъ бывалъ здѣсь только наѣздами, но тоска по милой, незабвенной женѣ выжила его изъ деревни и привела сюда; ему нужно было освѣжиться отъ трудовъ и отдохнуть въ родной семьѣ; здѣсь жили почти всѣ его родные: братъ его Сергѣй Романовичъ женился въ одно время съ нимъ, и жилъ съ семьею постоянно въ Москвѣ. Здѣсь же жила единственная ихъ сестра Марья Романовна, мать Зины и Лизы, и наконецъ здѣсь безвыѣздно жилъ задушевный другъ двоюродный братъ его,

Михаилъ Павловичъ, отецъ Саши и Миши. Къ великому утѣшенію Алексѣя Романовича, недавно пріѣхала въ Москву и старушка тетка, — общая ихъ воспитательница; ее любили племянники какъ мать, и какъ съ любимой матерью дѣлились радостью и горемъ.

— Какая то у меня бабушка? спрашивала Аля у отца.

— А вотъ, какъ выздоровѣешь, такъ къ ней къ первой повезу тебя.

— Какая то она, повторила про себя дѣвочка; быть можетъ она похожа на маму? — Дѣтскій шопотъ отдавался въ сердцѣ отца: постоянная, нѣжная мысль объ утраченной женѣ, и такая же постоянная забота о дочери, были его любимымъ отдыхомъ отъ многостороннихъ трудовъ.

Онъ самъ училъ Алю, самъ вывозилъ ее и самъ ухаживалъ за нею во все время кори; мудрено было найти мать старательнѣе этого отца. Срокъ Алинаго заключенія оканчивался; завтра она увидится съ братьями и сестрами, завтра

увидитъ бабушку, и дядей, и тетю Софью Васильевну, которую она такъ любитъ!